

МРНТИ 10.02.06
УДК 343.8
JEL K14

<https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-258-271>

СЕЛИВЕРСТОВ В.И.,^{*1}

д.ю.н., профессор.

*e-mail: vis_home@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-9554-5438

¹Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ОБЩЕНИЯ С ОСУЖДЕННЫМИ В ПРАВИЛАХ НЕЛЬСОНА МАНДЕЛЫ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Аннотация

В работе исследуются положения рекомендательного характера, содержащиеся в Минимальных стандартных правилах ООН обращения с заключенными (Правила Нельсона Мандэлы), применимые к проведению бесед и встреч осужденных с проверяющими пенитенциарные учреждения, адвокатами и представителями религиозных организаций, с акцентом на обеспечение конфиденциальности такого общения. Рассматривается, каким образом эти нормы нашли отражение в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан, а также предлагаются варианты корректировки национальных правовых актов. Целью исследования является выявление специфики внедрения международных стандартов конфиденциального общения осужденных в правовые системы двух государств и подготовка предложений по их дальнейшему совершенствованию. Ключевая идея работы связана с укреплением механизмов защиты прав осужденных посредством более полного учета международных норм. Научная и практическая ценность исследования заключается в проведении комплексного сравнительного анализа правового регулирования конфиденциальных встреч, определении существующих юридических пробелов и несоответствий, а также в аргументации необходимости их устранения для повышения эффективности уголовно-исполнительной системы. Методология исследования основана на сравнительно-правовом, системном и аналитическом подходах. Основные выводы показывают, что Россия более детально регламентировала обеспечение конфиденциальности, в то время как в Казахстане правовое содержание конфиденциальности не всегда раскрыто. Автор подчеркивает важность унификации гарантий, включая визуальный контроль встреч при соблюдении конфиденциальности. Ценность работы состоит в оценке действующих механизмов имплементации международных стандартов.

Ключевые слова: правила Нельсона Мандэлы, осужденный, адвокат, священнослужитель, конфиденциальность, инспекции и посещение учреждений, уголовно-исполнительное законодательство.

Введение

Для Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (далее – Правила Нельсона Мандэлы или Правила) 2025 г. является юбилейным: прошел десятилетний период с момента их принятия Генеральной Ассамблеей ООН. Десять лет пенитенциарные (тюремные) системы большинства государств мира работают над тем, чтобы реализовать в своем законодательстве и деятельности гуманные стандарты обращения с заключенными. На Правила Нельсона Мандэлы ориентируются все последующие решения ООН в области пенитенциарной деятельности и обращения с заключенными. Последним примером являются одобренные Экономическим и Социальным Советом ООН в мае 2025 г. Типовые стратегии ООН по снижению рецидивизма (Киотские типовые стратегии), в нормах которых имеются многочисленные ссылки на Правила Нельсона Мандэлы [1].

Правила Нельсона Мандэлы в числе многих вопросов организации тюремных систем государств содержат рекомендации по условиям содержания заключенных, средствам их исправления, материально-бытовом и медицинском обслуживании, по их общению с внешним миром.

При этом оговоримся о том, что имплементация в уголовно-исполнительном законодательстве международных рекомендательных стандартов ООН, включая и Правил Нельсона Манделы, не самоцель, а важное средство решения актуальных проблем повышения эффективности деятельности национальных тюремных систем. Поэтому государства, как правило, в разных формах и в разном объеме включают в свое законодательство положения международных рекомендательных норм. В связи с этим сомнительно осуждать государства в том, что они не учли то или иное положение международных актов. Следует обязательно принимать во внимание национальные особенности правовых систем государств и их исторического развития, экономический уровень развития страны, благосостояние и менталитет народов, уровень и динамику преступности, правосознание граждан и другие факторы. То, что не было имплементировано в национальное законодательство на определенном историческом отрезке времени, может появиться позднее, по мере создания для этого необходимых экономических, политических, социальных и духовных условий. Недаром в общих предварительных положениях Правил Нельсона Манделы установлено, что «принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно» (правило 2).

В Правилах Нельсона Манделы регламентировано обеспечение конфиденциальности общения с осужденными, отбывающими наказание в тюремных учреждениях, применительно к трем встречающимся в пенитенциарной практике ситуациям:

- а) беседы во время посещений (встреч) осужденных лицами, осуществляющими инспекции тюремных учреждений;
- б) свидания, консультации и общение осужденных с адвокатами и иными лицами, представляющими юридическую помощь;
- в) беседы во время посещений (встреч) осужденных со служителями религиозных культов на религиозные темы.

Рассмотрим эти ситуации более подробно в аспекте учета обеспечения конфиденциальности таких встреч уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации (далее – РФ) и Республики Казахстан (далее – РК).

Материалы и методы

Цель данной части исследования заключается в оценке надежности применяемых научных методов и степени их влияния на полученные результаты. Методологическая основа работы выстроена таким образом, чтобы обеспечить объективность сравнительного анализа, воспроизводимость выводов и их соответствие современным требованиям юридической науки.

Материалами исследования послужили международные и национальные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы обращения с осужденными и обеспечения конфиденциальности их общения, включая Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан, подзаконные акты, а также официальные отчеты уполномоченных органов, материалы правоприменительной практики и данные специализированных зарубежных исследований в сфере пенитенциарного контроля и защиты прав человека. Дополнительно использовались научные публикации отечественных и зарубежных авторов за последние годы, посвященные вопросам мониторинга мест лишения свободы, адвокатской тайны, религиозных прав осужденных и механизмам институционального контроля.

В качестве основного метода исследования применен сравнительно-правовой анализ, позволивший выявить сходства и различия в регулировании конфиденциального общения осужденных в уголовно-исполнительных системах Российской Федерации и Республики Казахстан, а также степень имплементации международных стандартов в национальное законодательство. Надежность данного метода обеспечивается его широким использованием в правовых исследованиях и возможностью сопоставления правовых конструкций при сходных социальных условиях.

Широко использовался формально-юридический метод, направленный на анализ содержания правовых норм, их структуры, логики изложения и правовых последствий. Данный метод

позволил установить наличие пробелов, коллизий и неопределенных формулировок в регулировании конфиденциальности общения осужденных с инспекторами, адвокатами и представителями религиозных конфессий.

Для выявления внутренних противоречий и оценки согласованности нормативных предписаний применялся системный метод, позволивший рассматривать институт конфиденциальности не изолированно, а во взаимосвязи с иными гарантиями прав осужденных, целями уголовно-исполнительной политики и задачами обеспечения безопасности в учреждениях исполнения наказаний. Использование данного метода повысило обоснованность выводов о необходимости унификации подходов к конфиденциальным свиданиям.

Аналитический метод использовался при изучении правоприменительной практики, статистических данных и докладов контрольных органов, что позволило оценить не только формальное закрепление гарантий, но и фактический уровень их реализации. Данный метод обеспечил переход от нормативного анализа к практико-ориентированным выводам.

Дополнительно применялись логико-дедуктивный и индуктивный методы, позволившие обобщить разрозненные правовые положения, выявить устойчивые тенденции правового регулирования и сформулировать предложения по его совершенствованию. Их использование повысило степень обоснованности авторских выводов и рекомендаций.

План и последовательность исследования включали несколько этапов. На первом этапе был проведен теоретико-правовой анализ Правил Нельсона Мандэлы и выявлены их ключевые положения, относящиеся к обеспечению конфиденциальности общения осужденных. На втором этапе осуществлен анализ норм уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан, регулирующих соответствующие виды свиданий и встреч. На третьем этапе проведено сопоставление международных стандартов и национальных норм с выявлением пробелов, несоответствий и особенностей имплементации. На четвертом этапе сформулированы научно обоснованные выводы и предложения по совершенствованию правового регулирования.

Таким образом, совокупность использованных материалов и методов обеспечивает достаточную надежность полученных результатов, позволяет считать выводы исследования обоснованными, а разработанные предложения – практически реализуемыми в условиях действующих уголовно-исполнительных систем.

Результаты и обсуждение

Конфиденциальность (от лат. *confidentia* – «доверие») тесно связана с обращением с информацией. Под данным понятием, как правило, понимают обязанность лица, которое получило доступ к определенным сведениям, не раскрывать их и не передавать третьим лицам без разрешения того, кому эта информация принадлежит.

В уголовно-исполнительном законодательстве РФ термин «конфиденциальность» не встречается, однако закреплены гарантии ее соблюдения: встречи наедине; обеспечение невозможности подслушивания; запрет применения технических средств прослушивания. В уголовно-исполнительном законодательстве РК термин «конфиденциальность» закреплен применительно к свиданиям осужденных с адвокатами, только без раскрытия гарантий ее соблюдения.

Беседы во время посещений (встреч) осужденных лицами, осуществляющими инспекции тюремных учреждений.

Международные стандарты обращения с лицами, содержащимися в местах лишения свободы, исходят из необходимости построения многоуровневой системы контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений. Такая система предполагает регулярное осуществление проверок как силами самих органов управления уголовно-исполнительной системой, так и посредством независимых внешних структур. Внутренний сегмент контроля ориентирован на административный надзор со стороны центральных уполномоченных органов, тогда как внешний уровень обеспечивается органами и организациями, не входящими в систему тюремной администрации, включая международные и региональные контрольные механизмы. Подобное сочетание внутренних и внешних форм надзора направлено на повышение прозрачности деятельности учреждений исполнения наказаний и снижение риска системных нарушений прав

человека. Внедрение программ внутреннего мониторинга и инспекций как элемента по приведению управления исправительными учреждениями и условий содержания в них в соответствие с Правилами Нельсона Мандэлы предусматривают Типовые стратегии ООН по снижению рецидивизма (Киотские типовые стратегии).

Для России и Казахстана внутренние инспекции осуществляются в рамках ведомственного контроля. Внешний контур инспекций как основной формы контроля в большей степени разнообразный, чем внутренний. В него входят инспекции (проверки, посещения) в рамках президентского, парламентского, правительенного, судебного, государственного правозащитного контроля и прокурорского надзора.

Международные пенитенциарные стандарты исходят из того, что контроль за деятельность учреждений исполнения наказаний должен включать не только формальные проверки условий содержания, но и полноценное общение проверяющих с осужденными и персоналом. Такое взаимодействие должно осуществляться в условиях, исключающих присутствие посторонних лиц и какое-либо вмешательство в содержание разговора. Лишь при соблюдении данных требований достигается реальная конфиденциальность, необходимая для получения достоверной информации о положении дел в учреждении.

Особое значение придается именно отсутствию административного давления во время подобных бесед. Стандарты ориентируют практику инспекционной деятельности на то, чтобы осужденные могли без ограничений и опасений излагать свою позицию представителям контрольных органов, не испытывая влияния со стороны руководства либо сотрудников учреждения. Это подчеркивает правозащитную направленность инспекционного механизма как инструмента выявления скрытых нарушений.

В этой связи особый интерес представляет вопрос о том, каким образом указанные подходы реализованы в национальном уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации. В действующем правовом регулировании закреплен перечень должностных лиц и представителей общественных структур, которым предоставлено право беспрепятственного доступа в учреждения, исполняющие наказания, для осуществления возложенных на них функций. Данный перечень формирует институциональную основу системы внутреннего и внешнего контроля, однако сам по себе еще не предопределяет объем гарантий конфиденциального общения с осужденными.

Такое требование закреплено в подпункте «с» правила 84 Правил Нельсона Мандэлы.

На первом месте (п. «а» ч.1 ст. 24 УИК РФ) указан Президент РФ, который, согласно Конституции РФ, является главой государства и гарантом соблюдения прав человека. Посещение Президентом РФ учреждений и органов, исполняющих наказания, является одной из форм президентского контроля за деятельность пенитенциарных учреждений. В истории было зафиксировано два случая посещения Президентом РФ исправительных учреждений: в 1999 г. В.В. Путин посетил следственный изолятор «Кресты» в Санкт-Петербурге (после этого посещения было принято решение о строительстве нового следственного изолятора «Кресты», который был открыт в 2018 г.); в 2009 г. Д.А. Медведев посетил Вологодскую воспитательную колонию (г. Вологда), что стало толчком к очередному этапу реформирования уголовно-исполнительной системы России.

Система парламентского контроля в сфере исполнения уголовных наказаний реализуется в том числе через наделение представителей законодательной власти правом беспрепятственного посещения исправительных учреждений. Данные полномочия распространяются как на представителей федерального уровня, так и на депутатов региональных и муниципальных представительных органов, при условии осуществления ими своих функций в пределах соответствующих территорий. Тем самым обеспечивается формальная возможность осуществления парламентского надзора за деятельностью уголовно-исполнительной системы на различных уровнях публичной власти.

Наряду с этим в механизме контроля за исполнением наказаний задействованы и субъекты исполнительной власти. Право посещения учреждений исполнения наказаний предоставляется высшим должностным лицам государства и регионов, а также руководителям органов местного самоуправления при соблюдении территориальных границ их полномочий. Такое правовое решение отражает включенность уголовно-исполнительной системы в общую вертикаль государственного управления и подчеркивает ее подотчетность органам публичной администрации.

Особое место в системе надзора занимает прокурорский контроль, который по своему характеру носит специализированный и постоянный характер. Полномочия прокурорских работников по посещению учреждений исполнения наказаний направлены на обеспечение законности и предупреждение нарушений прав осужденных на всех стадиях исполнения приговоров. В отличие от иных форм контроля прокурорский надзор ориентирован не только на политическую или управленческую оценку деятельности учреждений, сколько на выявление конкретных фактов отступления от закона и принятие мер реагирования.

В рассматриваемом перечне отражен и механизм судебного контроля. Судьи тех судов, которые осуществляют правосудие на территориях, где располагаются учреждения и органы, исполняющие наказания, вправе беспрепятственно посещать такие объекты (п. «г» ч. 1 ст. 24 УИК РФ).

В системе внутреннего контроля за деятельность органов, исполняющих уголовные наказания, важную роль играет ведомственный надзор, осуществляемый вышестоящими структурами уголовно-исполнительной системы. Такие субъекты наделяются правом свободного доступа в исправительные учреждения в рамках своих служебных полномочий, что обеспечивает управляемость системы и возможность оперативного реагирования на выявляемые нарушения. После внесенных изменений начала 2020-х годов данный круг субъектов был расширен за счет высших должностных лиц, курирующих сферу исполнения наказаний, что усилило вертикаль административного контроля.

Особое и самостоятельное место в механизме защиты прав осужденных занимает институт омбудсмена. Уполномоченный по правам человека наделен максимально широкими возможностями по посещению учреждений исполнения наказаний, что позволяет ему осуществлять независимый правозащитный мониторинг без процессуальных ограничений. В отличие от него иные специальные уполномоченные – по правам ребенка и по защите прав предпринимателей – реализуют свои полномочия в более узких, предметно очерченных пределах, что отражает специфику их функционального назначения.

Схожая логика разграничения компетенции характерна и для деятельности региональных уполномоченных. Их правозащитные полномочия реализуются в пределах соответствующих субъектов Федерации и направлены на обеспечение дополнительного уровня контроля за соблюдением прав человека в местах лишения свободы. В совокупности такие полномочия формируют многоуровневую государственную систему правозащитного мониторинга, в которой посещение учреждений без специального допуска выступает не формальной привилегией, а ключевым инструментом выявления и пресечения нарушений.

В России за исполнением наказаний и обеспечением прав осужденных осуществляется не только государственный, но и общественный контроль. Соответственно, общественные наблюдательные комиссии и их члены в пределах соответствующих территорий также могут посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, без специального на то разрешения (п. «д» ч. 1 ст. 24 УИК РФ).

В итоге можно отметить, что рекомендация Правил Нельсона Мандэлы относительно осуществления внутренних и внешних инспекций в российской уголовно-исполнительной системе в целом реализована. Однако право на проведение конфиденциальных бесед с осужденными во время таких посещений предоставлено далеко не всем субъектам контроля, а лишь трем категориям:

- а) уполномоченному по правам человека в Российской Федерации (ч. 2.1 ст. 24 УИК РФ);
- б) уполномоченным по правам человека в субъектах РФ (ч. 2.1 ст. 24 УИК РФ);
- в) членам общественных наблюдательных комиссий (ч. 2 ст. 23 УИК РФ).

В первых двух случаях конфиденциальность обеспечивается возможностью разговора с осужденным с глазу на глаз, но в условиях, позволяющих представителю администрации наблюдать беседующих, не имея при этом возможности слышать содержание разговора. В отношении же общественных наблюдательных комиссий термин «наедине» в норме отсутствует, но сохраняется требование о таких условиях, при которых сотрудник учреждения может видеть участников беседы, но не слышать их. Различия в регулировании, по сути, лишены логического объяснения и свидетельствуют скорее о наличии пробела в законодательстве.

Для всех прочих субъектов, имеющих право посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, режим конфиденциальности в УИК РФ или в иных нормативных актах (включая Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Министра РФ от 04.07.2022 № 110) не предусмотрен, что нельзя считать оправданным.

Во-первых, отсутствие такой гарантии для прокуроров и сотрудников уголовно-исполнительной системы способно затруднить проведение полноценной проверки, особенно если она касается соблюдения прав осужденных – вопросы, требующие открытого и честного диалога, сложно выяснить при отсутствии конфиденциальности.

Во-вторых, для ряда других субъектов посещений подобный пробел выглядит сомнительным с этической точки зрения. Например, непонятно, почему конфиденциальная беседа с осужденным допускается для уполномоченного по правам человека в РФ, но не предусмотрена для уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка или уполномоченного по защите прав предпринимателей. Возникает резонный вопрос: предполагается ли недоверие к этим должностным лицам или опасения относительно возможных злоупотреблений с их стороны?

Такая разница в подходах не находит объективного обоснования и указывает на необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в части обеспечения единых гарантий конфиденциальности при проведении проверок.

Аналогичные вопросы возникают тогда, когда приходится констатировать, что Президент РФ, председатель Правительства РФ, министр юстиции РФ, сенаторы РФ, депутаты и другие должностные лица также не пользуются правом на конфиденциальность бесед с осужденными.

Разрешение выявленных противоречий в сфере конфиденциальности контрольных посещений неоднократно становилось предметом научных дискуссий и концептуальных разработок. В рамках проектирования теоретической модели Общей части обновленного уголовно-исполнительного законодательства была предпринята попытка выстроить внутренне согласованную систему норм, определяющих не только круг субъектов, наделенных правом посещения учреждений, исполняющих наказания, но и объем их полномочий, а также гарантии безопасности и независимости осуществляющей ими деятельности. Центральное место в этих предложениях отводилось условиям проведения личных бесед с осужденными, поскольку именно такие беседы рассматриваются как ключевой инструмент выявления латентных нарушений прав человека в пенитенциарной среде [2].

В рамках указанной научной концепции предполагалось нормативно закрепить возможность проведения личных встреч в условиях изоляции от постороннего воздействия, при строгом запрете любых форм аудиоконтроля и при допустимости лишь визуального наблюдения исключительно в целях обеспечения безопасности и предотвращения противоправных действий. Такой подход отражал стремление к формированию сбалансированной модели, в которой требования режима не подрывают саму сущность конфиденциального общения. Однако, несмотря на очевидную практическую значимость данных предложений и их соответствие международным стандартам, соответствующие изменения так и не были имплементированы в действующее уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации.

Отсутствие в российской правовой системе четко установленного и унифицированного порядка обеспечения конфиденциального общения между проверяющими и осужденными в ходе контрольных визитов остается одним из уязвимых элементов правового регулирования. На практике это приводит к ситуации, при которой конкретные условия проведения таких встреч во многом зависят от усмотрения администрации учреждений, уровня их открытости и внутренней корпоративной культуры. Подобная неопределенность снижает правовую предсказуемость, ослабляет гарантии защиты прав осужденных и формирует неоднородность правоприменительной практики.

В уголовно-исполнительной системе Республики Казахстан право беспрепятственного доступа в учреждения, исполняющие наказания, также предоставлено широкому кругу публичных субъектов. Такая конструкция отражает многоуровневый характер системы контроля и надзора, в которой сочетаются элементы политического, административного, судебного и правозащитного воздействия. Высшие органы государственной власти наделены возможностью непосредственного ознакомления с условиями отбывания наказаний, что подчеркивает включенность уголовно-исполнительной системы в общую архитектуру государственного управления и персональную ответственность высших должностных лиц за ее функционирование.

Парламентский контроль в Казахстане реализуется через предоставление представителям законодательной власти права посещения учреждений исполнения наказаний. В то же время, в отличие от российской модели, аналогичные полномочия не распространяются на депутатов регионального уровня. Это свидетельствует о более централизованном характере казахстанской системы парламентского надзора, в которой основная нагрузка по осуществлению контрольных функций сосредоточена на уровне национального парламента.

Форма правительенного контроля выражается в наделении высших должностных лиц исполнительной власти правом доступа в учреждения уголовно-исполнительной системы в пределах соответствующих административно-территориальных образований. Такая модель обеспечивает связь между функционированием пенитенциарных учреждений и системой территориального публичного управления, а также создает условия для интеграции вопросов исполнения наказаний в региональную социальную и административную политику.

Прокурорский надзор в Республике Казахстан сохраняет традиционный публично-правовой характер и включает полномочия по беспрепятственному посещению учреждений, исполняющих наказания. Это позволяет органам прокуратуры осуществлять постоянную проверку соблюдения законности, выявлять нарушения прав осужденных, реагировать на факты злоупотреблений и обеспечивать восстановление нарушенных прав в установленных законом формах. Данная форма контроля ориентирована прежде всего на правовую, а не управленческую оценку деятельности учреждений.

Судебный контроль реализуется посредством предоставления судам возможности посещения учреждений уголовно-исполнительной системы в связи с рассмотрением конкретных уголовных дел. Такая форма контроля носит ситуационный и точечный характер и направлена преимущественно на проверку законности исполнения судебных решений, условий содержания конкретных лиц и соблюдения их процессуальных прав.

Ведомственный контроль обеспечивается через посещение учреждений представителями вышестоящих органов уголовно-исполнительной системы. Этот механизм ориентирован на поддержание управляемости системы, контроль за соблюдением служебной дисциплины, анализ эффективности деятельности подведомственных подразделений и реализацию административной ответственности. В логике дальнейшего институционального развития представляется обоснованным совершение данной модели с учетом организационного подчинения уголовно-исполнительной системы Министерству внутренних дел, что позволило бы повысить согласованность управленческих решений.

Государственный правозащитный контроль в Республике Казахстан осуществляется посредством деятельности омбудсменов. Уполномоченный по правам человека, а также его представители на местах обладают возможностью непосредственного доступа в учреждения исполнения наказаний, что обеспечивает реализацию независимого мониторинга соблюдения прав осужденных. Аналогичные полномочия предоставлены и уполномоченному по правам ребенка, что обусловлено спецификой защиты несовершеннолетних и иных уязвимых категорий лиц.

Особое место в системе контроля занимает национальный превентивный механизм, деятельность которого сочетает элементы государственного, общественного и международного контроля. Его участники наделены правом свободного посещения учреждений уголовно-исполнительной системы без предварительного разрешения, что ориентировано прежде всего на предупреждение пыток, жестокого обращения и иных форм недопустимого воздействия. Данная форма контроля по своей природе выходит за рамки классических отраслевых механизмов и выполняет превентивно-правозащитную функцию.

Кроме того, в систему общественного мониторинга включены наблюдательные комиссии, осуществляющие визиты в учреждения исполнения наказаний при условии предварительного уведомления администрации. Такая процедура, с одной стороны, сохраняет общественный характер контроля, а с другой – подчеркивает его более ограниченный правовой статус по сравнению с государственными формами надзора. Тем не менее именно деятельность этих комиссий нередко позволяет выявлять социальные, бытовые и медицинские проблемы, которые остаются вне поля зрения иных контрольных субъектов.

Регулирование конфиденциальности общения с осужденными во время подобных посещений демонстрирует сходный подход с российской моделью. Право на беседу с осужденными

без свидетелей прямо предоставлено членам общественных наблюдательных комиссий (ч. 3 ст. 36 УИК РФ) и участникам национального превентивного механизма (ч. 4 ст. 42 УИК РФ).

В связи с таким распределением полномочий возникают аналогичные вопросы, касающиеся этической корректности и практической эффективности отдельных видов контроля, что и при анализе российской нормативной базы.

Как нам представляется, право посещения без специального разрешения учреждений и органов, исполняющих наказание, и возможность личной беседы с осужденными (да и представителями персонала) органически взаимосвязаны. Без конфиденциальности беседы с осужденными такие посещения не столь эффективны, а в общественном мнении могут восприниматься как дежурные формальные мероприятия ради галочки в отчете о своей деятельности.

Международные эмпирические исследования последних лет подтверждают данный вывод. Так, в рамках сравнительного исследования пенитенциарных систем стран Северной Европы установлено, что эффективность инспекций напрямую зависит от уверенности осужденных в конфиденциальности их общения с проверяющими. При отсутствии условий приватности значительная часть нарушений остается латентной, поскольку осужденные опасаются последствий со стороны администрации учреждений. В докладах европейских мониторинговых структур подчеркивается, что именно конфиденциальные беседы являются ключевым инструментом выявления скрытых форм давления, злоупотреблений и неправомерного обращения [3].

Свидания, консультации и общение осужденных с адвокатами и иными лицами, предоставляемыми юридическую помощь.

В Правилах Нельсона Мандэлы рекомендуется предоставлять заключенным надлежащие возможности, время и условия для свиданий, общения и консультаций с адвокатом по своему выбору или с лицом, предоставляющим юридическую помощь, без каких-либо задержек, вмешательства или цензуры и в условиях полной конфиденциальности по любому юридическому вопросу в соответствии с применимым внутренним законодательством. Консультации могут проводиться в поле зрения, но не в пределах слышимости тюремного персонала (правило 61).

Следует отметить некоторую противоречивость указанной нормы. Как следует из нее, на свидания, общение и консультации с адвокатом или с лицом, предоставляющим юридическую помощь (далее – с адвокатом), распространяется полная конфиденциальность. Однако ниже уровень конфиденциальности понижается: консультации могут проводиться в поле зрения, но не в пределах слышимости тюремного персонала. Поскольку консультации адвоката являются целью и сутью деятельности адвоката во время свидания с осужденным, то можно сказать, что в данном случае Правила предусмотрели неполную или усеченную конфиденциальность.

Как же эти положения имплементированы в уголовно-исполнительном законодательстве России?

Статья 89 УИК РФ устанавливает гарантию конфиденциальности общения осужденных с адвокатами и иными лицами, имеющими право оказывать юридическую помощь, а также с нотариусами. Такие свидания проводятся наедине, в условиях, исключающих возможность слышать разговор третьими лицами, и без использования каких-либо технических средств аудиоконтроля. Аналогичный порядок закреплен и в отношении осужденных военнослужащих, содержащихся в дисциплинарной воинской части: часть 6 статьи 158 УИК РФ предусматривает те же гарантии конфиденциальности.

Таким образом, российский законодатель достаточно четко определил содержание конфиденциального общения – «наедине», «вне пределов слышимости» и «без применения средств прослушивания». Однако по сравнению с Правилами Нельсона Мандэлы данная регламентация представляется неполной. В частности, статья 89 УИК РФ не упоминает, что свидания допускается проводить под визуальным контролем сотрудников исправительного учреждения, включая применение технических средств видеонаблюдения.

Между тем возможность использования таких средств уже прямо предусмотрена в иных нормах уголовно-исполнительного законодательства. Так, часть 4 статьи 13 УИК РФ допускает применение технических средств видеонаблюдения при проведении личных встреч осужденных со священнослужителями. Это свидетельствует о неоднородности подходов: в одних

случаях законодатель учитывает необходимость визуального контроля, а в других – оставляет данный аспект неурегулированным.

Может возникнуть вопрос, как часто встречаются осужденные с адвокатами и есть ли случаи, когда требуется визуальное наблюдение за их встречами? Согласно Девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, прошедшей в России в декабре 2022 г., почти каждый десятый (женщины – 9,4%, мужчины – 10,5%) осужденный пользовался услугами адвокатов в течение 2022 г. [4, с. 126] Это довольно высокий показатель, хотя в нем не выделены отдельно свидания с адвокатами. Что касается практики предоставления свиданий, то она неоднократно демонстрировала необходимость визуального наблюдения за поведением участников такого свидания. В истории были случаи передачи адвокатами подсудимым и осужденным оружия, наркотических средств, средств мобильной связи и иных запрещенных предметов. Поэтому в пункте 230 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений установлено, что в случае передачи либо попытки передачи адвокатами осужденным к лишению свободы или передачи либо попытки передачи осужденными к лишению свободы указанным лицам запрещенных в ИУ вещей и предметов свидание немедленно прекращается. А как можно обнаружить передачу или попытку передачи запрещенных вещей и предметов? Только в тех случаях, когда за свиданием осужденного с адвокатом ведется визуальное наблюдение.

Поэтому следует поддержать предложения авторов теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса РФ, предлагающих в регламентацию встреч осужденных с адвокатами включить следующее положение: «Для контроля за соблюдением участниками встречи правил их проведения ведется визуальное наблюдение, в том числе с использованием технических средств видеонаблюдения» [5, с. 147]

В уголовно-исполнительном законодательстве Казахстана вопрос конфиденциальности свиданий осужденных с адвокатами решен довольно лаконично: применительно к уголовным наказаниям в виде ареста и лишения свободы указано, что при проведении таких свиданий обеспечивается их конфиденциальность (ч. 5 ст. 86, ч.6 ст. 106 УИК РК). Однако содержание конфиденциальности не раскрывается ни в УИК РК, ни в п. 95 Правил внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан, утвержденных приказом МВД РК от 17.11.2014 , № 819 в редакции приказа министра внутренних дел РК от 23.06.2025, №460. Представляется, что такой лаконизм в расшифровке конфиденциальности свиданий осужденных с адвокатом не вполне обоснован, поскольку речь идет о важных гарантиях прав человека. И эти гарантии должны найти отражение в УИК РК [6].

Беседы во время посещений (встреч) осужденных со служителями религиозных конфессий на духовные темы.

Правила Нельсона Мандэлы предусматривают специальные гарантии, направленные на обеспечение права осужденных на свободу вероисповедания, независимо от принадлежности к той или иной религиозной традиции. Согласно пункту 2 правила 65, квалифицированный служитель культа, назначаемый или допускаемый в учреждение в соответствии с пунктом 1 этого правила, должен иметь возможность регулярно совершать богослужения, а также периодически посещать заключенных наедине в специально отведенное время для бесед религиозного характера. Введение такого положения обусловлено необходимостью соблюдения религиозных предписаний – например, в христианской традиции обязательной является тайна исповеди, которая может быть обеспечена только в условиях полной конфиденциальности.

Российское уголовно-исполнительное законодательство закрепляет аналогичные гарантии. Часть 4 статьи 14 УИК РФ предусматривает, что по просьбе осужденных, отбывающих принудительные работы, арест, дисциплинарное содержание в воинской части либо лишение свободы, к ним могут быть приглашены священнослужители зарегистрированных религиозных объединений – православия, ислама, иудаизма и буддизма. Среди различных форм реализации религиозных обрядов УИК РФ предусматривает личные встречи со священнослужителями, количество которых не ограничено, а продолжительность каждой может составлять до двух часов при условии соблюдения правил внутреннего распорядка учреждения и присутствия представителя администрации.

Однако предусмотрено и исключение из общего порядка: если осужденный подает соответствующее заявление, а священнослужитель подтверждает свое согласие письменно, личная встреча, в том числе для проведения религиозных обрядов, может проходить наедине, вне слышимости третьих лиц, с использованием технических средств видеонаблюдения. Такой подход позволяет обеспечить одновременно соблюдение религиозных канонов и необходимый уровень контроля со стороны администрации учреждения.

Вопрос о конфиденциальности различных видов свиданий привлекает внимание из-за заметной неоднородности правового регулирования. Так, для уполномоченных по правам человека и членов общественных наблюдательных комиссий установлен режим естественного визуального контроля: представители администрации могут видеть участников беседы, но не слышать их. В отношении же адвокатов и нотариусов требование о визуальном наблюдении вообще отсутствует, что фактически исключает возможность какого-либо контроля со стороны персонала.

Для священнослужителей, напротив, установлен наиболее жесткий порядок: встречи, проводимые наедине, должны сопровождаться обязательным применением технических средств видеонаблюдения, причем с фиксацией изображения. Такая дифференциация режимов вызывает обоснованные вопросы, поскольку логически объяснить столь разные подходы крайне сложно.

Тем более это выглядит противоречиво на фоне практики: с учетом цифровизации уголовно-исполнительной системы технические средства видеоконтроля уже активно используются при посещениях учреждений членами ОНК, а нередко и уполномоченными. Иными словами, фактическая практика шагнула дальше нормативного регулирования, обнажив необходимость его унификации и систематизации.

В уголовно-исполнительном праве Республики Казахстан право осужденных на свободу совести и религиозных убеждений рассматривается как одна из гарантий их личной автономии даже в условиях изоляции от общества. Реализация данного права осуществляется исключительно на добровольной основе и не может носить принудительного характера. При этом любые религиозные действия должны быть встроены в режим функционирования учреждения и осуществляться с учетом установленных требований внутреннего порядка. Государство при этом прямо исключает возможность использования религиозной деятельности в целях уклонения от выполнения законных обязанностей либо вовлечения осужденных в противоправное поведение.

Практическая организация религиозных мероприятий в местах лишения свободы Республики Казахстан осуществляется в рамках подзаконного регулирования, которое ориентировано прежде всего на приоритет безопасности и управляемости пенитенциарной среды. Действующие требования предусматривают обязательное присутствие представителей администрации учреждения при проведении религиозных обрядов, что фактически исключает возможность индивидуального или доверительного формата общения между осужденным и священнослужителем. Тем самым законодатель исходит из необходимости постоянного административного контроля над религиозной сферой в учреждениях исполнения наказаний.

В результате сложившаяся в Казахстане модель правового регулирования не допускает конфиденциальности религиозного общения ни в рамках общего порядка, ни в качестве исключения из него. В отличие от этого подхода в отдельных зарубежных правопорядках, включая российскую практику, допускается возможность приватных встреч со священнослужителем при соблюдении специальных условий и дополнительных гарантий. Подобное различие свидетельствует о приоритете превентивно-безопасностной логики в национальной модели регулирования религиозных контактов осужденных.

Данное положение вызвано уважительной причиной, а именно широким распространением экстремистских религиозных течений, которые в начале нынешнего тысячелетия существенно осложняли обстановку в местах лишения свободы России и Казахстана. Констатируя невыполнение рекомендаций Правил Нельсона Мандэлы (п.2 Правило 65) об обеспечении тайны религиозного общения с осужденными, следует вновь указать на то, что Правила допускают

такую возможность, исходя из разнообразия юридических, социальных, экономических и географических условий (правило 2).

Заключение

1. Исходя из смысла Правил Нельсона Мандэлы конфиденциальность общения осужденных с лицами, осуществляющими внутренние и внешние инспекции, основана на беспрепятственном доступе инспекторов в тюремные учреждения. Если инспектор пользуется правом беспрепятственного доступа в тюремное учреждение, то он одновременно имеет возможность на конфиденциальное общение с осужденными.

Для уголовно-исполнительных систем России и Казахстана характерна модель, при которой нормативно закрепляется достаточно широкий перечень субъектов, обладающих правом посещения учреждений исполнения наказаний без получения специального разрешения. Вместе с тем объем их фактических полномочий в части взаимодействия с осужденными существенно различается. Возможность конфиденциального общения предоставляется лишь отдельным категориям таких лиц, тогда как для большинства иных посетителей подобная форма контакта не предусмотрена. В условиях отсутствия четкой регламентации иных содержательных правомочий возникает закономерный вопрос о функциональном назначении подобных посещений, если они не сопровождаются реальными механизмами выявления нарушений прав осужденных. Избирательный характер предоставления гарантий конфиденциальности снижает практическую эффективность контрольных процедур и порождает обоснованные сомнения с точки зрения их целевой направленности и профессиональной обоснованности. С учетом этого корректировка действующего уголовно-исполнительного законодательства представляется объективно необходимой.

2. Международные стандарты обращения с заключенными исходят из того, что общение осужденного с защитником должно осуществляться в условиях, обеспечивающих полную неприкосновенность содержания юридических консультаций при одновременном соблюдении разумных требований безопасности. Такая модель предполагает исключение какого-либо вмешательства в переговоры и допускает лишь визуальный контроль со стороны персонала учреждения. В российском уголовно-исполнительном праве данные гарантии получили наиболее развернутое нормативное оформление, однако и здесь сохраняется потребность в дальнейшем уточнении допустимых форм визуального наблюдения, включая использование современных технических средств при строгом запрете аудиоконтроля.

В правовом регулировании Республики Казахстан также закрепляется обязанность обеспечивать конфиденциальный характер свиданий осужденных с адвокатами, однако содержание данного режима не раскрывается ни на уровне кодекса, ни в подзаконных актах, регулирующих порядок исполнения наказаний. Отсутствие нормативной конкретизации создает предпосылки для неоднозначного толкования соответствующих гарантий на практике и ослабляет уровень защиты прав осужденных. В этой связи представляется необходимым закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан развернутого определения конфиденциальности адвокатских свиданий с указанием допустимых и недопустимых форм контроля со стороны администрации учреждений.

Зарубежные правовые исследования последних лет исходят из того, что конфиденциальность общения осужденного с защитником является фундаментальной гарантией справедливого судебного разбирательства, а не технической деталью процедуры. Вместе с тем подчеркивается, что допустимым компромиссом между интересами безопасности и правами личности является исключительно визуальный контроль за встречей без какого-либо аудиомешательства. Любые формы прослушивания или перехвата коммуникаций между адвокатом и подзащитным рассматриваются как недопустимое вмешательство в право на защиту и нарушение принципа равноправия сторон [7].

3. Что касается встреч осужденных с представителями религиозных конфессий, то как в российском, так и в казахстанском уголовно-исполнительном законодательстве действует общее правило: такие беседы проводятся в присутствии представителя администрации. В России

предусмотрено исключение – возможность проведения конфиденциальной встречи со священнослужителем при выполнении определенных условий. В Казахстане же данная норма действует без каких-либо исключений.

Таким образом, в обеих странах рекомендации Правил Нельсона Мандэлы о полной конфиденциальности встреч со служителями религиозных культов реализованы лишь частично. Это обусловлено стремлением государств предотвратить распространение экстремистских или деструктивных религиозных идей в учреждениях исполнения наказаний, что особенно актуально в условиях нестабильной международной ситуации и рисков политической и идеологической дестабилизации.

Тем не менее по мере укрепления социально-экономической базы государств, стабилизации политической обстановки и постепенного «очищения» религиозной сферы от радикализированных влияний возможно более полноценное внедрение рекомендаций Правил Нельсона Мандэлы в национальное законодательства обеих стран.

В зарубежных пенитенциарных исследованиях отмечается, что баланс между свободой вероисповедания осужденных и требованиями институциональной безопасности является одной из наиболее сложных задач тюремного администрирования. Анализ практики государств Европейского союза показывает, что отказ от конфиденциальных форм духовного общения допускается преимущественно в условиях устойчивых угроз радикализации и экстремистского воздействия. При этом в долгосрочной перспективе восстановление элементов конфиденциальности рассматривается как важный фактор ресоциализации и снижения конфликтного потенциала в местах лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Типовые стратегии ООН по снижению рецидивизма (Киотские типовые стратегии). URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_34/Resolutions/ECN152025_L5_Rev1_r.pdf (дата обращения: 23.07.2025 г.)
- 2 Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования. Монография. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017. – С. 216.
- 3 Monitoring prisons in Europe: Understanding perspectives of people in prison and prison staff // Law & Social Inquiry. 2023. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/law-and-social-inquiry/article/monitoring-prisons-in-europe-understanding-perspectives-of-people-in-prison-and-prison-staff/3BBFB9F3154D3EE0A17FE39E609ED5C3> (accessed: 10.10.2025)
- 4 Казакова В.А., Белова Е.Ю. Характеристика женщин, отбывающих лишение свободы: осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года). Монография. – Т. 2. – М.: Проспект, 2025. – С. 126.
- 5 Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования: Монография. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017. – С. 147.
- 6 Федеральный закон РФ от 10 июня 2008 г., № 76-ФЗ. П. 1, ч. 1, ст. 16 «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».
- 7 A plea for common standards on the lawyer-client privilege in EU cross-border criminal proceedings in light of advancing digitalisation // Eurim. 2024. URL: <https://eurim.eu/articles/a-plea-for-common-standards-on-the-lawyer-client-privilege/> (accessed: 10.10.2025)
- 8 Criminal detention in the EU: Conditions and monitoring. Luxembourg: European Union Agency for Fundamental Rights, 2024. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/belgium-criminal-detention-2024-country-study_en.pdf (accessed: 10.10.2025)

REFERENCES

- 1 Tipovye strategii OON po snizheniju recidivizma (Kiotskie tipovye strategii). URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_34/Resolutions/ECN152025_L5_Rev1_r.pdf (data obrashchenija: 23.07.2025 g.). (In Russian).

2 Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya. Monografija. M.: ID «Jurisprudencija», 2017. P. 216. (In Russian).

3 Monitoring prisons in Europe: understanding perspectives of people in prison and prison staff // Law & Social Inquiry. 2023. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/law-and-social-inquiry/article/monitoring-prisons-in-europe-understanding-perspectives-of-people-in-prison-and-prison-staff/3BBFB9F3154D3EE0A17FE39E609ED5C3> (accessed: 10.10.2025). (In English).

4 Kazakova V.A., Belova E.Ju. (2025) Harakteristika zhenshhin, otbyvajushhih lishenie svobody : Osuzhdennye i soderzhashhiesja pod strazhej v Rossii (po materialam devjatoj special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, soderzhashhihsja pod strazhej, dekabr' 2022 goda). Monografija. V. 2. M.: Prospekt. P. 126. (In Russian).

5 Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya. Monografija. M.: ID «Jurisprudencija», 2017. P. 147. (In Russian).

6 Federal'nyj zakon RF ot 10 iyunja 2008 g., No. 76-FZ. P.1 ch.1 st.16 «Ob obshhestvennom kontrole za obespecheniem prav cheloveka v mestah prinuditel'nogo soderzhanija i o sodejstvii licam, nahodjashhimsja v mestah prinuditel'nogo soderzhanija». (In Russian).

7 A plea for common standards on the lawyer-client privilege in EU cross-border criminal proceedings in light of advancing digitalisation // Euclrim. 2024. URL: <https://euclrim.eu/articles/a-plea-for-common-standards-on-the-lawyer-client-privilege/> (accessed: 10.10.2025). (In English).

8 Criminal detention in the EU: Conditions and monitoring. Luxembourg: European Union Agency for Fundamental Rights, 2024. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/belgium-criminal-detention-2024-country-study_en.pdf (accessed: 10.10.2025). (In English).

СЕЛИВЕРСТОВ В.И.,^{*1}

3.Ф.Д., профессор.

*e-mail: vis_home@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-9554-5438

¹М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу

мемлекеттік университеті,

Мәскеу қ., Ресей

СОТТАЛҒАНДАРМЕН ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТЫҢ ҚҰПИЯЛЫЛЫҒЫ НЕЛЬСОН МАНДЕЛА ЕРЕЖЕЛЕРІ ЖӘНЕ РЕСЕЙ МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ЗАҢНАМАСЫНДАҒЫ ОРНЫ

Андатпа

Мақалада сотталғандардың пенитенциарлық мекемелерді тексеруді жүзеге асыратын тұлғалармен, адвокаттармен және дін қызметкерлерімен кездесу (әңгімелесу) барысында олардың қарым-қатынасының құпиялышының қамтамасыз ету мәселелеріне қатысты БҮҮ-ның Сотталғандарга қарау жөніндегі Минималды стандартты ережелерінің (Нельсон Мандела ережелері) ұсынымдық нормалары қарастырылады. Аталған нормалардың Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының қылмыстық-атқару заннамасында іске асырылуы талданады, сондай-ақ заннамага өзгерістер енгізу жөнінде ұсыныстар беріледі. Зерттеудің мақсаты – көрсетілген нормалардың Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының қылмыстық-атқару заннамасына енгізу ерекшеліктерін зерделеу және оларды жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу. Жұмыстың негізгі идеясы – халықаралық стандарттарды ескеру арқылы сотталғандардың құқықтық кепілдіктерін нығайту. Зерттеудің ғылыми және практикалық маңыздылығы – құпия кездесулерді құқықтық реттеудің салыстырмалы талдауын жүргізу, ұлттық заннамадағы олқылықтарды және қайшылықтарды анықтау, оларды жою жолдарын негіздеу арқылы айқындалады. Зерттеу әдістемесі салыстырмалы-құқықтық, жүйелік және талдамалық тәсілдерге негізделген. Негізгі корытындылар Ресейде құпиялыштың қамтамасыз ету анағұрлым егжей-тегжейлі реттелгенін, ал Қазақстанда құпиялыш мазмұны әрдайым нақты ашылмайтынын көрсетеді. Автор құпиялыштың сақталған жағдайда кездесулерге визуалды бақылауды енгізуі коса алғанда, кепілдіктерді бірынғайландырудың маңыздылығын атап өтеді. Зерттеудің күндылығы – халықаралық стандарттардың ұлттық жүйелерде іске асырылу тетіктерін бағалауда.

Тірек сөздер: Нельсон Мандела ережелері, сотталған, адвокат, дін қызметкері, құпиялыш, инспекция және мекемелерге бару, қылмыстық-атқару заннамасы.

SELIVERSTOV V.I.,*¹

d.l.s., professor.

*e-mail: vis_home@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-9554-5438

¹Lomonosov Moscow

State University,

Moscow, Russia

CONFIDENTIALITY OF COMMUNICATION WITH CONVICTS IN THE NELSON MANDELA RULES AND THE CRIMINAL EXECUTIVE LEGISLATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Abstract

The article examines the recommendatory provisions of the UN Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) on the confidentiality of communication during meetings between convicted persons and prison inspectors, lawyers, and clergy. It analyzes the implementation of these standards in the criminal executive legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan and proposes legislative improvements. The purpose of the study is to identify the specific features of incorporating international confidentiality standards into the national systems of Russia and Kazakhstan and to develop recommendations for strengthening legal regulation. The core idea of the research is to enhance the protection of prisoners' rights through the consistent application of international legal standards. The scientific and practical significance of the study lies in the comparative analysis of the regulation of confidential meetings, the identification of legal gaps and inconsistencies, and the justification of their elimination. The research methodology is based on comparative-legal, systemic, and analytical approaches. The findings show that Russian legislation provides more detailed regulation of confidentiality, while in Kazakhstan this content is not always clearly defined. The author emphasizes the need to unify guarantees, including visual monitoring that does not violate confidentiality.

Keywords: Nelson Mandela's rules, convict, lawyer, clergyman, confidentiality, inspections and visits to institutions, penal legislation.

Дата поступления статьи в редакцию: 31.10.2025